

Александр Эрот

Покорная давалка

18+

Александр Эрот

Покорная давалка

«Автор»

2026

Эрот А.

Покорная давалка / А. Эрот — «Автор», 2026

Она — успешная двадцатипятилетняя акула бизнеса. Они — два рабочих: зрелый, пахнувший табаком и властью Саша, и дерзкий, пышущий первобытным огнем юнец Дима. Июльский зной, голый бетон недостроенной квартиры и таинственно исчезнувшее кружевное белье становятся искрой, взрывающей хрупкий фасад её цивилизованности. Это не просто откровенная эротика, а манифест женского пробуждения. Когда трескается социальная маска, наружу вырывается жрица Эроса. Между грубой доминацией мастера и жадной страстью подмастерья она познает запретную алхимию плоти. Здесь нет места стыду: шелк падает на цементную пыль, а разум уступает место чистому инстинкту. Провокационная история о том, как истинная свобода рождается в абсолютной капитуляции. О тайной, пульсирующей силе, которая теперь навсегда скрыта под строгим офисным костюмом, готовая в любой момент сжечь дотла весь стерильный корпоративный мир. Готовы ли вы переступить порог храма пыли и бетона, где правит бал первородный, очищающий грех?

© Эрот А., 2026

© Автор, 2026

Александр Эрот

Покорная давалка

Прошлым летом, в свои двадцать пять, я наивно полагала, что покупка недвижимости и найм рабочих станут лишь шагом к независимости, но удушающий июльский зной распорядился иначе, превратив ремонт в раскаленный плавильный котел подавленных инстинктов. Спасаясь от духоты, я скользила сквозь строительную пыль в невесомом шелковом халате, едва скрывавшем пульсацию наготы, и каждой клеточкой кожи впитывала тяжелые, собственные взгляды мужчин — зрелого, коренастого Саши, чьи грубые руки пахли первобытной силой, и его юного напарника Димы, в чьих бездонных глазах читалась наглая, звериная дерзость. Я приехала принять этап выполненных работ, и обнаружила кражу.

Исчезновение моего кружевного белья стало не просто кражей, а интимным актом разведения, безмолвным приглашением к капитуляции: когда я, дрожа от показного возмущения и тайного, мучительного сладострастия, потребовала ответа, их социальные маски растворились. Саша властно и спокойно озвучил то, в чем я не смела признаться даже себе — что моя влажность, провоцируемая их присутствием, и была моим истинным приказом, в то время как Дима бесшумно отрезал путь к отступлению, запирая дверь нашей сладостной тюрьмы.

Осознав, что я сама день за днем выстраивала эту западню каждым скольльзящим движением ног, я позволила шелку беспрекословно упасть к ногам; и, когда шершавая, пахнущая табаком ладонь безапелляционно раздвинула лепестки моего пульсирующего желания, находя меня истекающей нектаром абсолютной готовности, мой стыд окончательно расплавился в обжигающем горниле чистого экстаза, заставив с благоговейным упоением опуститься на колени перед алтарем собственной пробужденной чувственности.

Мои колени коснулись шершавого, покрытого тончайшей строительной пылью бетона, и этот контраст — грубости неоконченного ремонта и абсолютной, уязвимой наготы моего разгоряченного тела — стал первым аккордом в симфонии моего окончательного падения. Или, вернее сказать, возвышения. Ибо в тот миг, склонив голову перед этими двумя мужчинами, я не чувствовала себя жертвой. Напротив, я осознала пугающую, опьяняющую истину: я была жрицей, добровольно взошедшей на алтарь собственного сладострастия, а они — лишь инструментами, ниспосланными мне для того, чтобы вскрыть те глубины моей женственности, о которых я сама едва осмеливалась подозревать.

Воздух в комнате, сгустившийся от июльского зноя, казался осязаемым. Он пах деревом, свежей штукатуркой, терпким мужским потом и мускусом моего собственного, неудержимо изливающегося желания. Саша стоял передо мной — монументальный, тяжелый, излучающий ту первобытную уверенность, которая сметает любые цивилизованные условности. Его рука, жесткая, мозолистая рука создателя, привыкшая подчинять себе мертвую материю, теперь покоилась на моем затылке. В этом жесте не было жестокости, лишь спокойное, абсолютное право собственности.

— Посмотри на меня, — его голос звучал низко, вибрируя в самой глубине моей груди, заставляя соски затвердевать еще сильнее, превращаясь в чувствительные до боли рубины.

Я подняла глаза. В его взгляде больше не было ни снисхождения, ни насмешки. Там горел темный, первородный огонь. Медленным, почти ритуальным движением он расстегнул ремень. Пряжка звякнула в звенящей тишине квартиры, и этот звук отдался эхом в самом центре моего влажного, пульсирующего лона. Когда его плоть освободилась — тяжелая, налитая горячей кровью, властная, — я почувствовала, как у меня перехватило дыхание.

Я, девушка с высшим образованием, гордящаяся своей независимостью и новой должностью, сейчас видела перед собой лишь один смысл существования. Мои губы разомкнулись сами собой. Я подалась вперед, ведомая древним, не требующим осмысления инстинктом.

Когда я коснулась языком раскаленной, пульсирующей плоти, пробуя на вкус солоноватую каплю предвкушения, Саша издал глухой, гортанный стон и его пальцы сильнее впились в мои волосы, направляя, задавая ритм. Я приняла его в себя с благоговением, погружаясь в искусство орального служения, изучая каждую венку, каждую пульсацию его естества, упиваясь властью, которую мои губы и язык имели над этим сильным мужчиной.

Мое дыхание утратило всякую автономию, полностью подчинившись гипнотическому, неумолимому ритму его бедер. С каждым глубоким погружением я чувствовала, как сгорают последние мосты, связывающие меня с прежней, стесненной рамками приличий жизнью. Я растворялась в этом акте, становясь не более чем влажным, пульсирующим сосудом для его наслаждения, и именно в этом абсолютном самоуничтожении парадоксальным образом рождалось мое величайшее торжество. Я пила его силу, я владела его слабостью в те краткие мгновения, когда он, не в силах сдерживаться, судорожно выдыхал сквозь стиснутые зубы.

Но в этой симфонии первобытного хаоса не хватало еще одной партии. Я почти забыла о Диме, пока не ощутила, как пространство позади меня неумолимо изменилось, уплотнившись от исходящего от него звериного жара. Его тень накрыла мою обнаженную, незащищенную спину, по которой уже струились капельки пота. Я не могла обернуться, мой рот был сладостно пленен Сашей, но каждая ворсинка на моем теле вытянулась в предвкушении.

Грубые, испачканные цементной пылью пальцы Димы легли на мои дрожащие бедра. В отличие от тяжелой, монументальной властности Саши, в прикосновениях юноши сквозила электрическая, обжигающая дерзость. Он провел ладонями по изгибу моих ягодиц, словно скульптор, впервые оценивающий податливость ожившей глины. Затем я почувствовала легчайшее прикосновение шелка — того самого украденного кружевного белья. Дима медленно, почти издевательски провел моей собственной смятой ластовицей, хранящей аромат моего желания, по напряженной ложбинке между ягодицами, заставляя меня извиваться от невыносимого контраста нежной ткани и грубости происходящего.

— Какая она сладкая... — его шепот, хриплый и сорванный, опалил мой затылок.

Не дожидаясь ответа, Дима отбросил кружево. Его пальцы, беспелляционные и жадные, скользнули ниже, безошибочно найдя истекающий влагой источник моей муки. Когда он бесцеремонно раздвинул набухшие лепестки и вторгся в мое расплавленное нутро двумя пальцами, из моего горла, вырвался лишь приглушенный, животный стон.

Я оказалась зажата между двумя полюсами чистой мужской энергии, распята на кресте собственного вожделения. Саша диктовал закон моему рту, упираясь руками в мои плечи, заставляя принимать его все глубже, в то время как Дима, опустившись на колени позади меня, ритмично и безжалостно исследовал тесные, горячие глубины меня. Их движения, поначалу хаотичные, вдруг обрели пугающую синхронность. Строительная пыль оседала на моей влажной коже, смешиваясь с запахом секса, табака и терпкого мужского пота.

В этот миг крошечная квартира с голыми бетонными стенами перестала быть стройплощадкой. Она превратилась во вневременной храм Эроса, где я, отбросив жалкую шелуху цивилизованной интеллектуалки, перерождалась в истинную Женщину — ненасытную, податливую, бесконечно свободную в своей абсолютной капитуляции. Мое сознание вспыхнуло сверхновой и погасло, оставляя лишь ослепительный, вибрирующий свет чистого, ничем не замутненного экстаза, в котором я тонула, умоляя, чтобы эта сладостная пытка не заканчивалась никогда.

Пальцы Димы покинули мое раскаленное лоно так же внезапно, как и вторглись в него, оставив после себя сосущую, невыносимую пустоту, требовавшую немедленного заполнения. Сквозь полуприкрытые веки, сквозь пелену слез, выступивших от удушающего, сладкого напряжения в горле, я слышала резкий, почти металлический звук расстегиваемой молнии. Этот звук, такой обыденный в любой другой ситуации, сейчас прозвучал как удар гонга, возвещающий о начале главной мистерии.

Я почувствовала, как Дима придвинулся вплотную. Жар его бедер опалил мои ягодицы. Его руки скользнули по моей талии, жестко, по-мужски безапелляционно фиксируя меня на месте, превращая мое тело в податливый инструмент для их обоюдного триумфа. А затем тупая, горячая тяжесть уперлась во врата моего влажного, пульсирующего естества. Он не стал медлить, не стал искать путей для нежного вторжения — в этом зверином, животном акте не было места куртуазности. Одним мощным, неумолимым толчком он погрузил свою плоть в мои глубины.

Из моего горла вырвался бы крик, способный расколоть бетонные стены этой квартиры, но он был полностью поглощен Сашей.

В этот момент, зажатая между зрелой, монументальной силой спереди и юной, неистовой яростью сзади, я испытала нечто сродни религиозному откровению. Вся моя прежняя жизнь — с ее дипломами, амбициями, разговорами о феминизме и независимости в модных кофейнях — осыпалась прахом, как та самая штукатурка с недоделанных стен. Истинная независимость, как я поняла в эти секунды ослепительного прозрения, заключалась не в том, чтобы доказывать мужчинам свое равенство. Она заключалась в смелости полностью, без остатка отдалиться своей женской природе, позволить себе быть завоеванной, растоптанной и вознесенной к небесам на их широких плечах. Я была не жертвой, я была сосудом, алхимическим тиглем, в котором смешивались их страсти, превращаясь в чистое золото моего наслаждения.

Их движения обрели пугающий, первобытный ритм. Саша направлял мою голову, задавая темп моему рту, заставляя меня принимать его все глубже, до самой грани удушья, которое само по себе становилось новым источником сладострастия. А Дима позади меня двигался с неистовой, почти жестокой скоростью. Каждый его толчок отдавался в самом центре моего существа, заставляя мое тело сотрясаться. Я чувствовала, как капли его пота падают на мою спину, смешиваясь с моим собственным, как грубая ткань его рабочих брюк царапает мою нежную кожу, оставляя на ней красные следы — стигматы моего посвящения.

Воздух стал таким густым, что его, казалось, можно было резать ножом. Запах терпкого мужского мускуса, дерева, пыли и моего собственного, непрерывно изливающегося сока создал дурманный коктейль, который пьянил сильнее любого вина. Мое сознание начало сужаться до одной-единственной точки. Я больше не знала, где заканчивается мое тело и начинаются их тела. Я превратилась в сплошной обнаженный нерв, вибрирующий в такт их толчкам.

— Какая ты... ненасытная, — глухо прорычал Саша, глядя на меня сверху вниз. В его глазах горело темное пламя торжества. Он видел, как я ломаюсь, как растворяется моя гордыня, и это зрелище доставляло ему не меньше удовольствия, чем прикосновения моих губ.

А затем волна, зародившаяся где-то в самых глубоких недрах моего существа, начала подниматься. Это не было похоже на те торопливые, локальные оргазмы, которые я испытывала раньше в стерильных постелях с интеллигентными мальчиками. Это было цунами, землетрясение, извержение вулкана. Оно началось с дрожи в пальцах ног, прокатилось по бедрам, заставив мои мышцы судорожно, спазматически сжаться вокруг плоти Димы.

Я почувствовала, как Дима застонал, не в силах сопротивляться этим пульсациям, как его движения стали сбивчивыми, отчаянными. Мое нутро охватило пламя. Свет перед закрытыми глазами вспыхнул ослепительно белым, и я провалилась в бездну. Я закричала бы, но вместо этого мои зубы слегка, почти бессознательно прикусили плоть Саши, что вызвало у него ответный, хриплый рык. Мой оргазм длился целую вечность, волна за волной прокатываясь по моему телу, вымывая из него остатки разума, оставляя лишь чистое, животное блаженство.

Я даже не поняла, в какой момент они излились. Я лишь почувствовала обжигающие потоки, наполняющие меня, и соленый вкус. Мои мышцы обмякли. Если бы не сильные руки Димы, все еще сжимавшие мою талию, и не ладони Саши, удерживающие мою голову, я бы просто рухнула на этот грубый, покрытый цементной крошкой бетон, словно сломанная кукла, внезапно лишившаяся своих невидимых нитей. Но в этом падении не было ни капли унижения;

это было грациозное оседание на дно собственного блаженства, возвращение к земной тверди после ослепительного полета к солнцу.

Мое тело больше мне не принадлежало. Оно стало частью этого недостроенного пространства, слилось с его первозданной, не облагороженной косметическим ремонтом сутью. Строительная белая пыль, взметнувшаяся от моего падения, медленно оседала на влажной, разгоряченной коже, покрывая мои плечи, грудь и бедра тончайшей пудрой. Я лежала на боку, подтянув колени к животу в позе эмбриона — метафора, которая в тот момент казалась мне единственно верной, ведь я действительно только что родилась заново. Мое прерывистое, хриплое дыхание эхом отражалось от голых стен, смешиваясь с тяжелым дыханием мужчин.

Саша отступил на шаг. Сквозь полуприкрытые веки, сквозь пелену блаженных слез я видела его силуэт на фоне незанавешенного окна, за которым июльское солнце начинало свой медленный, тягучий спуск к горизонту, окрашивая небо в цвета расплавленной меди и спелого персика. Он двигался с той же невозмутимой, тяжеловесной грацией. Щелкнула кремниевая зажигалка — резкий, трезвящий звук в вязкой тишине комнаты. В воздухе поплыл терпкий, горьковатый аромат крепкого табака, который теперь навсегда будет ассоциироваться у меня с запахом абсолютной мужской власти.

Он глубоко затянулся, задержал дым в легких и, сделав шаг ко мне, присел на корточки. Его грубая рука, все еще хранившая жар моего тела, легла мне на затылок, пальцы зарылись в спутанные, влажные от пота волосы. В этом жесте была удивительная, почти отеческая нежность, которая разительно контрастировала с той животной яростью, с которой он только что меня подчинял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.